

Еще до того, как рассвело, Се Цин разбудила Ли Яоинь.

Она помнила, что сегодня Тунмо Луоцзя будет вести лекцию по сутрам, поэтому встала, освежилась и надела мантию из простой ткани. При мерцающем свете свечи она читала сутру, закусывая кунжутной лепешкой, и беззвучно декламировала ее.

Из-за цветочной решетки, сквозь слои ветвей и лоз, доносился глубокий и далекий звон колокольчиков.

С первыми проблесками рассвета Юань Цзюэ пришел проводить Ли Яоинь в главный зал и удовлетворенно кивнул, увидев, как просто она одета. Длинные черные волосы были заколоты простой нефритовой заколкой, других золотых или нефритовых украшений на ней не было.

Двор, где жила Ли Яоинь, находился на северо-востоке храма, далеко от главного зала. По пути они прошли через несколько длинных просторных коридоров. Она указала на дальний двор вниз и с любопытством спросила:

- Что это за место?

В эти дни она обнаружила, что внешняя часть буддийского храма была заполнена множеством высоких и низких залов и резиденций. Некоторые из них были официальными представительствами, некоторые - почтовыми домами, некоторые - резиденциями, а некоторые - местами уединения принцев и знати. Двор, в котором она остановилась, относился к последним, поэтому формально она не жила в буддийском храме и могла свободно приходить и уходить.

Буддийский храм был местом, где практиковали правители Королевского двора. Он занимал обширную территорию, где собирались монахи, стояли на страже солдаты, и множество людей каждый день приходили выразить почтение, что делало его очень оживленным. Однако в буддийском храме был один двор, который постоянно пустовал. Уединенный и пустынный, в него редко кто входил и выходил.

Это был двор у ее ног.

Юань Цзюэ проследил за взглядом Ли Яоинь и прошептал:

- Это Зал Наказаний.

Ли Яоинь не стала продолжать расспросы. Она смутно помнила, что Тунмо Луоцзя с самого рождения был заточен в буддийском храме. Принцы и вельможи хотели напугать его и сломить его дух, поэтому специально заперли его в Зале Наказаний, пока ему не исполнилось тринадцать лет.

Зал Наказаний был вырыт на один этаж ниже уровня земли. Утренний свет едва попадал в мрачный двор. Это было похоже на падение в бездонный колодец, без единого отблеска света, темный и холодный.

Как же неуютно было жить в таком месте десять лет!

Когда они приблизились к главному залу, до ушей Ли Яоинь донесся шум людей.

Тунмо Луоцзя разрешал обычным людям входить в храм и слушать проповедь, независимо от их статуса и пола. Рано утром перед залом собрались благочестивые люди, и перед ступенями было многолюдно. Несмотря на то, что все намеренно понижали голос, все равно слышался гул разговоров.

Вот-вот должна была начаться проповедь.

Зал был построен на вершине платформы. Он не был похож на буддийские храмы Центральных равнин с их затяжными благовониями, дымом и оживленностью. Очевидно, что буддизм в Королевском дворе и буддизм на Центральных равнинах включали в себя множество местных традиций с момента их первоначального распространения из Тяньчжу. Четыре стены зала были расписаны изысканными фресками, а большой купол украшали элегантные голубые цветы. Великолепный зал был пуст и чист, его окружало множество узких проходов, по которым могли бок о бок пройти два человека.

В зале был высокий помост, а прямо под помостом собрались монахи. Самые передние левые кресла сияли золотом от группы знатных принцев и вельмож, одетых в роскошные одежды. Коридоры охранялись солдатами-монахами, а простые люди у подножия ступеней время от времени поднимались на цыпочки.

Юань Цзюэ подвел Ли Яоинь к ее месту в углу, и бесчисленные взгляды устремились на нее. Она оглянулась с улыбкой, невозмутимая и непринужденная.

Лица людей напряглись.

Ли Яоинь села и огляделась. Большинство из тех, кто смотрел на нее, были дворянами и простолюдинами. Монахи были гораздо спокойнее и лишь на мгновение подняли глаза, чтобы посмотреть на нее, а затем молча отвели взгляд.

Дворянки искоса поглядывали на Ли Яоинь и обменивались взглядами друг с другом.

Ли Яоинь опустила глаза. Ее язык Ху был еще недостаточно хорош, чтобы понимать шепот знатных женщин, поэтому ее уши были спокойны.

Вскоре появились монахи, обступившие Тунмо Луоцзя с флангов. Глаза Ли Яоинь

расширились, и какое-то мгновение она никак не реагировала.

Тунмо Луоцзя шел к ним в широкой алой касайе, держа в руке нитку молитвенных бус. Он шел неторопливо, паря, как бессмертный, выражение его лица было ровным, без тени мирской суеты.

Ли Яоинь впервые видела, как Тунмо Луоцзя идет. Ее сердце заколотилось от странного предчувствия, пока она неотрывно смотрела на него. Его осанка была высокой и прямой, глаза - как холодные звезды, а характер - чистым.

Ли Яоинь вспомнила его ноги, которые не так давно распухли и покрылись синяками до черноты. Широкая мантия прикрывала его фигуру, и она гадала, как восстановились его ноги.

Судя по его грациозной походке, он должен быть почти здоров.

Мондатипа вернулся в Тяньчжу. Она не знала, от какой болезни страдает Тунмо Луоцзя, но муравьиная трава просто боролась с ядом с помощью яда. При длительном употреблении обязательно возникнут скрытые проблемы.

Со стороны раздалось несколько покашливаний и приглушенных смешков. Юань Цзюэ шепотом напомнил Ли Яоинь:

- Принцесса...

Она слишком пристально смотрела на Тунмо Луоцзя.

Ли Яоинь опомнилась и увидела, что все дворянки в зале смотрят на нее. Она поняла свою оплошность и отвела глаза.

Тунмо Луоцзя шагнул на высокие ступени зала, поднялся на свое место и сел. С торжественным видом он возглавил монахов, которые начали декламировать Священные Писания.

Вельможи и люди за пределами зала также сидели прямо, присоединившись к нему, и нараспев читали писания, толпа говорила в унисон, все с благочестивым видом. Слова на санскрите были четкими, торжественными и почтительными, поистине трогательными и потрясающими.

Ли Яоинь, затаив дыхание, сидела прямо и подпевала вместе с Юань Цзюэ. После того как они несколько раз повторили слова из Священного Писания, которые она хорошо запомнила после зубрежки в последние несколько дней, песнопения прекратились.

Молодой монах почтительно подошел к высокому помосту с подносом свитков в руках. Тунмо Луоцзя легко извлек свиток, и чистый голос молодого монаха зачитал имя. Один из монахов в стороне поднялся в ответ, поклонился Тунмо Луоцзя и начал задавать вопросы. Тунмо Луоцзя ответил несколькими фразами. Монах нахмурился в раздумье, сложил ладони вместе и вернулся на свое место.

Тогда Тунмо Луоцзя достал еще один свиток. Молодой монах посмотрел на имя, написанное на ткани, и прочитал его. Другой монах взволнованно встал и стал громко и торопливо задавать вопросы. Тунмо Луоцзя выглядел спокойным, но скорость его ответов вовсе не была медленной. Монах продолжал задавать вопросы, почти агрессивно и напористо, но Тунмо Луоцзя не менялся в лице, отвечая один за другим.

В конце концов монах с восхищенным видом сложил ладони вместе и вернулся на свое место.

Молодой монах продолжал называть имена, и у каждого монаха, которого называли, на лице появлялось волнение. Они непрерывно задавали вопросы Тунмо Луоцзя, а тот спокойным голосом отвечал на них.

Ли Яоинь была в замешательстве от этой сцены.

Юань Цзюэ шепотом объяснил ей, что это похоже на буддийские дебаты. Монахи писали свои вопросы на кожаном свитке и передавали его. Тот, кого Тунмо Луоцзя выберет, сможет провести с ним короткий буддийский диспут: о буддийских учениях, обо всем на свете, от ничего до всего, от облаков на небе до травы на земле. Все было честно.

Ли Яоинь потеряла дар речи, но взяла себя в руки и продолжила слушать. Монахи и Тунмо Луоцзя спорили на санскрите. Она не понимала, но обе стороны говорили очень быстро. Было очень интересно наблюдать за выражениями лиц монахов, смущенных, восхищенных, расстроенных или ломающих голову над ответом.

После того как Тунмо Луоцзя выбрал десять свитков с именами, молодой монах убрал поднос. Выражения лиц монахов вернулись к умиротворенности, и атмосфера в зале стала гораздо более спокойной. Тунмо Луоцзя начал говорить о дхарме.

Сначала он говорил на санскрите, затем перешел на язык Ху, изредка вкрапляя другие наречия. Его голос был чистым и звучным, а тон - мягким, словно нефритовая бусина, падающая на тарелку, с успокаивающей интонацией. Люди в зале и за его пределами завороченно слушали. Время от времени некоторые женщины склоняли голову и вытирали слезы.

Ли Яоинь слушала историю о доброй и злой карме, которую рассказывал Тунмо Луоцзя, но мало что понимала. Спина у нее была прямая, но после долгого сидения на коленях тело болело. Она не могла удержаться и тайком сменила позу.

Холодный взгляд скользнул по ней. Нежный, но со скрытой силой. Ли Яоинь не могла не вздрогнуть. Она сразу же стала вести себя честно, не шевеля ни единым мускулом и продолжая слушать.

Тунмо Луоцзя взглянул на макушку ее темных блестящих волос и перевел взгляд.

На этот раз Ли Яоинь не осмелилась пошевелиться и просидела еще четверть часа, пока толпа не огласилась вздохами и последними песнопениями. Все встали, почтительно повернулись лицом к Тунмо Луоцзя, прижав друг к другу ладони, и смотрели, как он спускается с высокого помоста, окруженный со всех сторон монахами.

Когда его худая спина исчезла в дверях храма, у Ли Яоинь отлегло от сердца: неужели это конец? Он не будет проверять ее домашние задания? Оказалось, что пока она честно сидит и слушает утреннюю проповедь, все будет в порядке.

Ли Яоинь встала и уже собиралась уходить, как вдруг к ней приблизилось несколько теней. Божа и несколько монахов стояли перед ней с серьезным видом. Он мрачно усмехнулся, когда они протянули несколько сутр:

- Принцесса, вы что-нибудь получили от своей буддийской практики?

Уголки рта Ли Яоинь дернулись: она слишком рано расслабилась. Человек, случайно проверяющий ее домашнее задание, ждал ее здесь!

Божа встал перед Ли Яоинь с прямой, как тополь, спиной и начал спрашивать ее о содержании сутры. По случайному совпадению он задал ей вопрос по тому разделу, о котором ей напомнил Тунмо Луоцзя через Юань Цзюэ.

Ли Яоинь была ошеломлена, но потом рассмеялась: Сын Будды действительно помогал ей сжульничать. Хотя она не могла понять глубокого смысла сутр, ее нельзя было превзойти в их запоминании. Она отвечала с готовностью и аккуратно.

Божа нахмурился, открыл другой свиток и продолжил задавать ей вопросы.

Ли Яоинь продолжала бегло декламировать.

После того как он проверил несколько книг подряд, ни один вопрос не поставил Ли Яоинь в тупик, поэтому Божа не удержался и спросил:

- Можете ли вы понять их смысл?

Глаза Ли Яоинь слегка сузились, и она улыбнулась:

- Нет.

Не дожидаясь ответа Божя, она ответила на его вопрос своим:

- А вы все понимаете?

Божя сначала хотел что-то возразить, но, встретившись взглядом с улыбающимися глазами Ли Йоинь, слегка покраснел. Он был не обритуемым монахом, а всего лишь стражником, следующим за Тунмо Луоцзя. Как он смеет утверждать, что может понимать писания из этой книги? Если бы он дал утвердительный ответ, его бы точно преследовали до конца!

Он мог только покачать головой. Ли Йоинь улыбнулась.

Божя отказывался уступить и спросил:

- Это все, что принцесса выучила за эти дни?

Ли Йоинь слегка кашлянула и с прямым лицом ответила:

- В эти дни я изучала Священное Писание.

Божя посмотрел на нее с подозрением:

- Какое писание?

Ли Йоинь слово в слово пересказала «Сутру сердца».

Сутра Сердца, то есть Сутра Сердца Праджняпарамиты, была короткой и пронзительной. В переводе Тан Сюаньцзана она состояла всего из 300 слов. Лаконичная и ясная, она была бесконечна по смыслу, ведь в ней заключалась суть и основы, извлеченные из сотен буддийских сутр, сгущенные из миллионов слов древних буддийских книг, подобно просторам бушующих морей.

Ли Йоинь поразмыслила, и этой сутры, широко распространенной на Центральных равнинах, ей хватило, чтобы легко и непринужденно справиться с выборочными проверками на ближайшие несколько месяцев.

Она бегло прочитала ее, но на лице Божя появилось растерянное выражение:

- Что это вы такое читаете?

Ли Йоинь была в еще большем недоумении, чем он:

- Сутру сердца?

Божа подтвердил:

- Я никогда раньше не слышал об этой сутре.

Ли Йоинь объяснила:

- Я читаю версию, переведенную китайским монахом досточтимым Сюаньцзаном, которая может отличаться от той, что вы изучали.

Божа нахмурился и обменялся взглядами с несколькими монахами вокруг него, один из которых покачал головой. Какое-то время они перешептывались и обсуждали, прежде чем он сказал:

- Принцесса поняла это?

Ли Йоинь сложила руки вместе и сказала:

- Эта сутра заставляет задуматься. Я пока не смогла постичь ее истинное значение, но, если прочитаю ее несколько раз, мое настроение становится умиротворенным.

Божа непонимающе уставился на нее. Если бы Ли Йоинь сказала, что она чего-то добилась, он мог бы поспорить с ней насчет правды, но когда она сказала это, он действительно не смог найти никаких недостатков.

Монах, стоявший рядом с ним, одобрительно кивнул:

- Если принцесса может обладать таким пониманием, она действительно интенсивно практикует.

Ли Йоинь скромно улыбнулась. У Божа задергалось веко.

Монахи поклонились Ли Йоинь и повернулись, чтобы уйти.

Принцесса спросила Юань Цзюэ, стоявшего рядом с ней:

- Я прошла тест?

Юань Цзюэ улыбнулся и сказал:

- Принцесса хорошо себя показала, и в будущем в городе будет меньше сплетен. Пока принцесса будет показывать, что практикует буддизм, эти монахи не посмеют специально усложнять жизнь принцессе.

Сердце Ли Яоинь дрогнуло. Оказалось, что Тунмо Луоцзя велел ей хорошо ответить на выборочную проверку ради нее самой, чтобы она могла лучше провести время в Священном городе.

Увидев, что пришло время обеда, Юань Цзюэ отправил Ли Яоинь обратно во двор. За спиной послышались шаги, и за ней вышел стражник:

- Король приглашает принцессу в зал для медитаций.

Юань Цзюэ ответил и проводил Ли Яоинь в комнату для медитаций.

Во внутреннем дворе было тихо, небо голубело, и по нему с легким ветерком проплывали дрейфующие облака. Изящные цветы и листья на куполе казались голубыми в лучах солнца, а от фресок исходило слабое золотое сияние.

Тунмо Луоцзя сидел перед длинным столом и читал письмо. Перед внутренним двором преклонили колени несколько одетых в дорожные костюмы стражников, один из которых был личным слугой Ашины Бисо.

Пришли новости из Северного Жун.

Ли Яоинь быстро прошла по длинному коридору. У входа в комнату для медитаций ее шаги остановились, и она, подсознательно задержав дыхание, шагнула внутрь. Комната была отдаленной и прохладной. Тунмо Луоцзя не поднял головы, но его длинные пальцы поднялись, указывая, что Ли Яоинь может сесть.

Девушка опустилась на колени напротив него, сидя прямо.

Прочитав письмо, Тунмо Луоцзя поднял глаза и сказал:

- Хайду Алинь повредил ногу.

Ли Яоинь была ошеломлена.

Тунмо Луоцзя оглянулся на двор. Юань Цзюэ понял и подал знак личному слуге Ашины Бисо

выйти вперед.

- Когда генерал Ашина прибыл в Северный Жун, принц Хайду Алинь уже вернулся в лагерь и стоял на коленях у входа в зал. Говорили, что по дороге на него напали разбойники, и одна из его ног была оттоптана испуганной лошадью. В жаркую погоду рана загноилась, а знахарь использовал не то лекарство для лечения, поэтому правая нога принца Хайду Алиня была разрушена. Генерал рассказал, что несколько принцев ворвались в его палатку и лично осмотрели рану Хайду Алиня. Его нога кишела личинками.

Веки Ли Яоинь дрогнули, когда она прислушалась. Как и ожидалось, у Хайду Алиня была «повреждена» нога.

Эти разбойники из засады должны были быть ловушкой, которую устроили принцы. Он воспользовался ситуацией и притворился, что потерял ногу.

- Генерал вспомнил, что принцесса Вэньчжао предупреждала его, что Хайду Алинь прибегнет к жестоким уловкам, и заподозрил, что нога Хайду Алиня не испорчена, поэтому он отправил нас, подчиненных, назад, чтобы попросить короля дать указания и узнать идеи принцессы.

Тунмо Луоцзя посмотрел на Ли Яоинь.

Ли Яоинь вдруг почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Она сказала:

- Я предупредила генерала Ашину.

Личный солдат прошептал:

- Принцесса знает характер принца Хайду Алиня как свои пять пальцев. Генерал хотел бы выслушать совет принцессы.

Во дворе воцарилась тишина. Ли Яоинь встретила ожидающий взгляд личного солдата и набралась смелости сказать:

- Раз уж Хайду Алинь использует уловку, то и генерал мог бы поступить так же, чтобы принц Хайду Алинь выздоровел как следует.

Хайду Алинь притворился, что у него повреждена нога. Ашина Бисо мог использовать подозрения нескольких принцев в его адрес, чтобы сделать эту ногу действительно бесполезной.

Несколько личных солдат обменялись взглядами. Юань Цзюэ, стоявший на страже у двери, выглядел удивленным.

Тунмо Луоцзя, казалось, ничуть не удивил ответ Ли Яоинь. Не издав ни звука, он приложил кисть к бумаге и написал письмо.

Солдат встал, получил письмо и, поклонившись, поспешно ушел.

Ли Яоинь тоже встала и вышла из комнаты для медитаций. Когда она шла по коридору, вошел кто-то из охранников с подносом еды. Она нечаянно бросила взгляд на серебряную тарелку на подносе и остолбенела.

Мимо ее глаз пронеслась тарелка с говядиной.

Ли Яоинь обернулась и проследила взглядом за тарелкой с говядиной. Поднос с едой поднесли к Тунмо Луоцзя. Его длинные изящные пальцы подхватили кусок мяса.

Ли Яоинь была ошеломлена.

В комнате Тунмо Луоцзя почувствовал на себе взгляд Ли Яоинь и поднял глаза, чтобы оглядеться. Девушка стояла во дворе и смотрела на него с выражением оцепенения, словно пораженная молнией.

Тунмо Луоцзя на мгновение остановился, и в его спокойных голубых глазах мелькнуло сомнение.

Она была голодна?

<http://tl.rulate.ru/book/72517/3735989>